

ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПРИ ПЕРЕМЕНЕ ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

УДК: 347.41: 347. 19

МИХАЙЛОВ Д.И.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин Гомельского
государственного университета имени Ф.Скорины

Dimin.Mitr@yandex.by

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются проблемы реализации права юридического лица и его участников или акционеров на оспаривание сделок, не соответствующих уставной цели деятельности, и сделок, совершенных с превышением полномочий, в том числе крупных, и сделок с заинтересованностью, которые обусловлены заявлением соответствующих исковых требований после передачи прав по сделке. Обосновывается зависимость реализации права на оспаривание указанных сделок от утраты соответствия основаниям их недействительности после передачи прав, а также от частичного исполнения таких сделок до передачи прав.

Ключевые слова: юридическое лицо, хозяйственное общество, сделки с пороком правосубъектности, сделки, не соответствующие уставной цели, сделки с превышением полномочий, передача прав, сингулярный правопреемник, право на оспаривание, сторона обязательства, участник сделки.

В отличие от ничтожных сделок, являющихся недействительными с момента их совершения независимо от решения суда, передача прав и обязанностей стороны оспоримой сделки предполагает их сохранение для нового участника правоотношения до успешной реализации управомоченным субъектом права на оспаривание, то есть до вступления в силу соответствующего судебного решения. Применительно к большинству оснований недействительности оспоримых сделок новый кредитор и (или) должник не приобретает право на оспаривание. Обусловлено это тем, что в силу оснований, базирующихся на пороках правосубъектности, право на оспаривание возникает только у тех субъектов гражданских правоотношений, нарушение порядка реализации правоспособности и (или) дееспособности которых повлекло необходимость или целесообразность восстановления нарушенных интересов соответствующего субъекта посредством надления правом на оспаривание именно его или его законных представителей, а равно собственников имущества, участников или акционеров юридического лица. При заключении соглашения о перемене лиц в обязательстве по оспоримой сделке с пороком правосубъектности новый субъект обязательства не может обрести правоспособность, а равно дееспособность прежнего участника оспоримой сделки, следовательно, он не может приобрести право на оспаривание данной сделки, в связи с несоблюдением чужой правоспособности или нарушением порядка реализации чужой дееспособности.

Сингулярные правопреемники (*succession singularis*) в отличие от универсальных (*succession universalis*) приобретают лишь отдельные права и обязанности, а не все права и обязанности [1, с. 16–20]. Данное утверждение не противоречит правилам ст. 355 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) о переходе к новому кредитору всех прав прежнего кредитора. В связи с этим следует отличать права и обязанности стороны обязательства от прав и обязанностей участника сделки. Например, Мейер Д.И. не отождествлял действия с правами [2, с. 159]. Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации констатировал необоснованность исковых требований участника об оспаривании сделки общества, участником которого он стал после ее совершения, в силу невозможности ущемления прав и обязанностей участника, который на момент совершения сделки не являлся таковым [3]. Аналогично и новый кредитор и (или) должник, на наш взгляд, может обрести право на оспаривание сделки, совершенной прежним участником правоотношения, лишь в том случае, когда исходя из обстоятельств заключения оспоримой сделки вытекает соответствие нового кредитора (должника) признакам субъекта, наделенного правом на оспаривание сделки. Это может иметь место при переходе прав и обязанностей участника по отдельным оспоримым сделкам с пороком воли. Речь идет о ситуациях, при которых влияние заблуждения или обмана на прежнего кредитора или должника по тем или иным причинам распространилось на нового кредитора. Однако и в этом случае возникновение у нового кредитора или должника права на оспаривание зависит от толкования положений ряда норм гражданского законодательства.

Сделки с пороком правосубъектности могут быть оспорены новым участником лишь в случае перехода к нему прав и обязанностей в порядке не сингулярного, а универсального

правопреемства, предполагающего переход как прав стороны обязательства, так и иных прав.

При сингулярном правопреемстве, основанном на договоре о перемене лиц в обязательстве, а равно внедоговорной уступке права требования, новый участник оспоримой сделки с пороком правосубъектности не правомочен ее оспаривать. Это относится в том числе и к оспоримым сделкам, совершенным юридическими лицами в **нарушение цели** их деятельности или в отсутствии одобрения высшего или наблюдательного органов управления. Тем более новый участник правоотношения не приобретает права на оспаривание сделок своего сингулярного правопреемника в силу специальных оснований, предусмотренных ст.ст. 109 и 110 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. №415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)». Незэквивалентность встречного имущественного предоставления и иные основания, предусмотренные указанными нормами, распространяются только на несостоятельного должника и управляющего, тогда как его правопреемник (как сингулярный, так и универсальный) может не являться таковым.

Отсутствие приобретения права на оспаривание сделок с пороком правосубъектности новыми кредиторами или должниками не означает, что в результате уступки права требования и (или) перевода долга их правопреемники утрачивают право на оспаривание указанных сделок. Перемена лиц в обязательстве в порядке сингулярного правопреемства предполагает утрату правопреемником прав и (или) обязанностей субъекта обязательства, но не прав участника сделки, в частности, права на защиту имущественного интереса, нарушенного вследствие порока правосубъектности. Для юридических лиц, передавших права по оспоримым сделкам, предусмотренным ст.ст. 174, 175 ГК и ст.ст. 57.1, 58.1 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. №2020-XII «О хозяйственных обществах» (далее – Закон о хозяйственных обществах), сохранение права на оспаривание соответствующих сделок может повлечь ряд проблем в сфере его реализации.

Целью настоящей работы является анализ указанных проблем, в том числе в аспекте их взаимосвязи и минимизации негативных имущественных последствий.

Юридическое лицо, передавшее другому субъекту права и обязанности по оспоримой сделке, может сохранить заинтересованность в реализации права на ее оспаривание. К причинам такой заинтересованности следует отнести:

- 1) возникновение имущественных потерь в результате совершения оспоримой сделки и (или) в результате передачи прав по ней сингулярному правопреемнику;

- 2) утрату права собственности или иного титула на имущество, необходимое для осуществления предпринимательской деятельности юридического

лица, в результате частичного исполнения обязательства по оспоримой сделке до передачи прав по ней другому лицу и наоборот.

Проблемы реализации права юридического лица на оспаривание сделки, по которой данной организацией были переданы права, обусловлены установлением и квалификацией несоответствия оспоримой сделки цели деятельности организации или превышения полномочий исполнительного органа управления, исходя из оценки условий сделки и последствий ее исполнения до и после передачи прав по ней. При этом ссылка на отсутствие правоприменительного значения последующей утраты сделкой признаков ее оспоримости (п. 1 ст. 167 ГК) в результате передачи прав по ней не в полной мере соответствует системному смыслу права на оспаривание, ориентированного на защиту прав оспаривающего сделку субъекта.

Одна и та же сделка может быть признана не соответствующей цели деятельности юридического лица до передачи прав по ней и при этом обрести соответствие уставной цели именно в результате заключения организацией соглашения о передаче прав сингулярному правопреемнику. Например, договор аренды имущества, непригодного для достижения конкретизированной в уставе цели деятельности коммерческой организации, а равно любой уставной цели некоммерческой организации, не будет соответствовать указанным уставным целям до возмездной передачи прав и обязанностей арендатора третьему лицу. Однако после возмездной передачи такого права по соглашению между юридическим лицом (прежним арендатором) и его сингулярным правопреемником (новым арендатором) договор аренды может обрести соответствие уставной цели организации, но только исходя из приоритетов фактического критерия над формальным, а также единства договора и соглашения о передаче прав, основанных на нем, над обособленностью указанных сделок.

Договор купли-продажи, предусматривающий отчуждение обществом недвижимого имущества, обрел статус оспоримой сделки в связи с отсутствием его одобрения высшим органом, который был наделен таким полномочием на основании устава. Но после передачи обществом прав и обязанностей продавца по данному договору до регистрации перехода права собственности на недвижимый объект договор уже может рассматриваться как сделка, не подлежащая обязательному одобрению высшего органа.

Любой договор, заключенный хозяйственным обществом с субъектом, который взаимосвязан с его аффилированным лицом одним из способов, предусмотренных ч. 1 ст. 57 Закона о хозяйственных обществах, признается сделкой с заинтересованностью, подлежащей одобрению высшим или наблюдательным органом в особом порядке. Однако уступка прав и обязанностей иному субъекту может повлечь утрату договором статуса сделки с заинтересованностью, но только исходя из приоритета единства оспоримой

сделки и соглашения о передаче прав по ней над их обособленностью, самостоятельностью.

Возможны и обратные описанным ситуации, при которых сделка, изначально не являвшаяся оспори-мой в силу оснований ст.ст. 174, 175 ГК или ст.ст. 571, 58.1 Закона о хозяйществах, может стать таковой именно в результате заключения соглашения о пере-даче прав по ней. Однако в этом случае в качестве предмета оспаривания может выступать не перво-начальная сделка, а соглашение о передаче прав по ней сингулярному правопреемнику, в результате за-ключения которого первоначальная сделка перестала соответствовать цели деятельности организации или оказалась подлежащей обязательно одобрению высшим (наблюдательным) органом управления.

Таким образом, проблема зависимости оспарива-ния сделки организации от материально-правовых по-следствий передачи прав по данной сделке обуслов-лена недостаточной определенностью в содержании норм действующего гражданского законодательства относительно степени обособленности первоначаль-ной сделки от соглашения о передаче прав по ней. Данная проблема может быть также названа пробле-мой соотношения материально-правового единства и обособленности основного, первоначального догово-ра и соглашения о передаче прав.

Как единство, так и обособленность следует ана-лизировать применительно к самим договорам как юридическим фактам, а также к договорным обяза-тельствам сторон основного договора и соглашения о передаче прав, включая сингулярного правопрее-мника.

Применительно к соотношению указанных до-говорных обязательств единство однозначно пре-обладает над обособленностью. Согласно правилу ст. 355 ГК новый кредитор, цессионарий, приобре-тает весь объем прав прежнего кредитора, цеден-та, если иное не предусмотрено законодательством или договором. В соответствии со ст. 357 ГК должник вправе выдвигать новому кредитору возражения, возникшие из обязательственных договорных отно-шений с прежним кредитором, а согласно ст. 363 ГК новый должник вправе выдвигать возражения, возникшие из отношений кредитора и прежнего должника. Диспозитивный характер правила ст. 355 ГК, допускающий по соглашению о цессии уступку части прав кредитора, не следует рассматривать как аргумент в пользу приоритета обязательно-правовой обособленности основного договора и согла-шения о цессии. При частичной уступке речь может идти лишь об обязательно-правовом единстве соглашения о цессии с теми условиями основного договора, которые затрагивают переданную новому кредитору часть прав. Иными словами, при частич-ной уступке имеет место условное разделение пер-воначального договорного обязательно-правового отношения на два самостоятельных. Одно из них сохраняется для должника и прежнего кредитора в усеченном объеме, основанном на первоначальном

основном договоре. А другое складывается между должником и новым кредитором на основании как основного договора, так и соглашения о частичной уступке также в усеченном объеме. Применительно к переданной цессионарию части прав и корреспонди-рующих им обязанностей должника единство основ-ного договора и соглашения о цессии однозначно преобладает над их обособленностью. Тем не менее указанное обязательно-правовое единство одной части основного договора и соглашения о цес-сии, на наш взгляд, не исключает, а напротив, под-тверждает обязательно-правовую обособлен-ность другой части договора, в которой определены права, оставшиеся за первоначальным кредитором. Такая обособленность является преобладающей, пре-жде всего, в случае разделения между цедентом и цессионарием разнородных по их обязательно-правовой природе прав. Например, при уступке цессионарию права требования возврата денежной части смешанного займа и сохранения за цедентом права требования возврата товарной части займа, по нашему мнению, будет иметь место своеобраз-ный распад обязательства на два самостоятельных обязательства одного должника перед двумя разны-ми кредиторами. Такое дробление обязательства, на наш взгляд, является достаточным основанием для применения правила ст. 181 ГК, в том числе в силу аналогии закона. Согласно данной норме сделка мо-жет быть признана недействительной в части, если предположительно она была совершена и без вклю-чения недействительной ее части. Применительно к частичной уступке юридическим лицом одного из нескольких разнородных прав это может означать сохранение за ним права на оспаривание части ос-новного договора, регламентирующей права и обя-занности между ним и должником, и возможную утрату права на оспаривание той части основного договора, условия которой определяют переданное цессионарию право.

Однако указанную обязательно-правовую обособленность констатировать значительно слож-нее при повышении степени однородности и взаи-мосвязи прав, сохраненных за прежним кредитором и переданных новому кредитору. Например, при частичной уступке права требования процентов по договору займа, с сохранением за первоначальным займодавцем права денежного требования суммы основного долга, имеет место своеобразная погран-ичная ситуация. Она представляет собой некую промежуточную обязательно-правовую кате-горию между долевой активной множественностью и двумя самостоятельными обязательствами. В та-кой ситуации оспаривание части первоначального договора в силу правила ст. 181 ГК представляется необоснованным по причине зависимости передан-ного цессионарию права на взыскание процентов от востребования основной суммы долга, сохраненного за цедентом. Это означает, что при повышении сте-пени однородности передаваемых и непередаваемых

требований основной договор, не соответствующий уставной цели организации или совершенный с превышением полномочий ее исполнительного органа, может быть оспорен только в целом.

Таким образом, обязательственно-правовое единство основного договора и соглашения о передаче прав, с нашей точки зрения, представляется очевидным. Однако, исходя исключительно из обязательственно-правового единства указанных сделок, не может быть обоснован вывод о прекращении права юридического лица на оспаривание основного договора вследствие утраты соответствия этой сделки одному из оснований для ее оспаривания в результате заключения соглашения о передаче прав. Это обусловлено тем, что в отличие от приоритета единства обязательств до и после передачи прав в отношении самих сделок, то есть основного договора и соглашения о передаче прав, в нормах действующего гражданского законодательства усматривается приоритет обособленности. Так, согласно как буквальному (формализованному), так и системно-смысловому толкованию правил ст. 167 ГК никакая материально-правовая взаимосвязь двух и более сделок не может рассматриваться как основание недействительности одной по факту недействительности другой. Недействительность последующей сделки может иметь место вследствие недействительности предыдущей только по причине отсутствия возникновения и передачи прав. Однако недействительность последующей сделки не может повлечь недействительность предшествующей ей сделки. Исключение из анализируемого правила – положения ст.ст. 57 и 58 Закона о хозяйществах, допускающие оспаривание нескольких однородных взаимосвязанных сделок в силу наличия факта заинтересованности или признания их в совокупности условной крупной сделкой, как раз служит подтверждением обособленности сделок. Законодательное закрепление специального правила, допускающего оспаривание нескольких взаимосвязанных сделок по одному конкретному основанию, подтверждает обособленность сделок при реализации права на оспаривание по общему правилу.

В соответствии с правилом п. 1 ст. 168 ГК как ничтожная, так и оспоримая сделка признается недействительной с момента ее совершения с той разницей, что недействительность оспоримой сделки может иметь место только в результате вступления в силу соответствующего судебного решения. С точки зрения буквально-смыслового толкования этого правила, оно исключает утрату права на оспаривание сделки в результате ее изменения как вследствие заключения соглашения об изменении условий, включая новацию, так и вследствие передачи прав и (или) обязанностей по сделке. Например, удовлетворяя иск об оспаривании сделки с заинтересованностью, Верховный Суд Республики Беларусь обоснованно не учел факт продажи заинтересованным в совершении сделки аффилированным лицом его доли в уставном фонде ООО «И» после заключения обществом оспарива-

емого лицензионного договора (решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь от 20 января 2011 г.). Однако в связи с этим следует отличать последующую утрату сделкой статуса оспоримой в результате передачи прав по сделке с одной стороны и последующее изменение обстоятельств, связанных с ее совершением – с другой. По этой причине с точки зрения системного толкования правила п. 1 ст. 168 ГК утрату права на оспаривание сделки по причине ее изменения вследствие передачи прав исключать нельзя по следующим причинам:

1) в отличие от требования об установлении факта ничтожности сделки, которое имеет как частно-правовую, так и публично-правовую составляющую, требование об оспаривании сделки значительно теснее связано с нарушенным правом, для защиты которого в суд заявляется указанное требование. В соответствии со ст. 11 и п. 3 ст. 167 ГК право на оспаривание сделок может быть квалифицировано как способ защиты, направленный на восстановление нарушенного права (ущемленного интереса) конкретного указанного в законе лица. При этом восстановление права, нарушение которого было устранено, в частности, вследствие передачи прав по сделке, представляется невозможным, а следовательно, необоснованным;

2) право на оспаривание сделки, в отличие от права на установление факта ее ничтожности, не является способом подтверждения уже свершившегося факта (недействительности сделки), а является способом законной делигитимации действительной сделки с момента ее совершения в целях защиты нарушенного права. При утрате актуальности защиты нарушенного права, вследствие передачи прав, обоснованность иска об оспаривании сделки представляется ущербной с системной точки зрения;

3) в отличие от утраты актуальности защиты нарушенного права с помощью оспаривания сделки по причине изменения ее условий (содержания), такая утрата вследствие передачи прав устраняет не только частно-правовую актуальность требования об оспаривании сделки, но также ставит под сомнение его надлежащую системную взаимосвязь с субъектом-носителем права на оспаривание, в том числе юридическим лицом, а тем более его участниками или акционерами. Обусловлено это тем, что в результате перемены лиц в обязательстве выбывший из него субъект, с одной стороны, не может утратить статус участника первоначальной сделки, однако, с другой – этот субъект уже не является обладателем прав и обязанностей, основанных на ней. Брагинский М.И. и Витрянский В.В. отмечали, что на практике приходится часто сталкиваться с тем, что определенное понятие в одно и то же время обладает набором свойств (признаков), присущих разным группам [4, с. 277].

Все три указанные правовые причины с нашей точки зрения могут рассматриваться в качестве зна-

чимых доводов против системно-правовой обоснованности требований юридических лиц об оспаривании сделок с пороком их правосубъектности только в тех ситуациях, когда организация не начинала исполнять или принимать исполнение обязательства по оспоримой сделке до передачи прав по ней сингулярному правопреемнику. Именно в такой ситуации последующее оспаривание юридическим лицом или его участником сделки, не соответствующей уставной цели, а равно совершенной с превышением полномочий исполнительного органа организации, утрачивает свой целевой и системный смысл. Оспаривание сделки, совершенной организацией, в исполнении которой она не принимала участие до передачи прав по ней, сложно квалифицировать как восстановление нарушенных в результате порока правосубъектности прав юридического лица. При этом возникновение и исполнение обязательства юридическим лицом перед его сингулярным правопреемником, разумеется, может ущемлять имущественные интересы организации, однако это обязательство является следствием не совершения оспоримой сделки, а результатом заключения соглашения о передаче прав, основанных на ней. В связи с этим необходимо отдавать предпочтение не обязательно-правовому единству основного договора и соглашения о передаче прав, а их обособленности, основанной на нормах о сделках и основаниях их недействительности, в частности, ст. 167 ГК.

Таким образом, с системно-правовой точки зрения, при ущемлении имущественного и иного интереса юридического лица вследствие не самой оспоримой сделки, исполнение которой не началось, а в результате исполнения соглашения о передаче прав и обязанностей данная организация может обоснованно оспорить только соглашение о передаче прав, но не первоначальную сделку. Такое системное толкование правил ст.ст. 167, 168, 174, 175 ГК и ст.ст. 57.1 и 58.1 Закона о хозяйственных обществах применимо только к тем оспоримым сделкам юридических лиц, которые утратили свое несоответствие уставной цели или признаки превышения полномочий исполнительного органа при их совершении, в результате передачи прав по ним. Если же оспоримая сделка сохранила порок правосубъектности юридического лица и после передачи прав по ней, то право на ее оспаривание представляется обоснованным как с точки зрения буквально-смыслового, так и системного толкования указанных норм гражданского законодательства, независимо от факта ее исполнения до передачи прав.

В то же время недостаточная системная обоснованность оспаривания сделки с пороком правосубъектности юридического лица после передачи прав по ней становится менее аргументированной в ситуациях, при которых до передачи прав имело место ее частичное исполнение. В таких случаях актуализированная необходимость защиты прав организации может быть констатирована исходя из

ущемления ее интересов до передачи прав, несмотря на утрату оспоримой сделкой порока правосубъектности в результате передачи прав по ней. При этом установление и соответственно доказывание факта ущемления имущественных и иных интересов юридического лица, на наш взгляд, не требуется, так как с точки зрения системного смысла правил ст.ст. 174, 175 ГК ущемление интереса юридического лица предполагается в силу факта несоответствия сделки уставной цели или превышения полномочий при ее совершении. Однако правила ст.ст. 57.1 и 58.1 Закона о хозяйственных обществах об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц хозяйственных обществ связывают обоснованность исковых требований об оспаривании таких сделок с убытками, иными неблагоприятными последствиями или угрозой их возникновения. Следовательно, с точки зрения системного толкования указанных норм оспаривание сделок по ст.ст. 57.1 и 58.1 Закона о хозяйственных обществах следует считать обоснованным только в случае возникновения неблагоприятных экономических последствий или угрозы их наступления именно в результате частичного исполнения данных оспоримых сделок до передачи обществом прав его сингулярному правопреемнику.

Исходя из буквально-смыслового толкования анализируемых правил, крупные сделки хозяйственных обществ и сделки с заинтересованностью их аффилированных лиц также сложнее оспорить, чем сделки, не соответствующие уставным целям или совершенные с превышением полномочий исполнительного органа. Несмотря на совпадение момента совершения и недействительности оспоримых сделок (п. 3 ст. 167 ГК), которое лежит в основе буквально-смыслового толкования, результативное оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью поставлено правилами ст.ст. 57.1 и 58.1 Закона о хозяйственных обществах в зависимости от неблагоприятных для хозяйственного общества последствий до и после передачи прав по ним. Следовательно, в случае нейтрализации неблагоприятных последствий или угрозы их возникновения в результате передачи обществом прав по таким сделкам суд будет уполномочен отказать в удовлетворении исковых требований общества или его участников (акционеров) об оспаривании крупной сделки или сделки с заинтересованностью. При этом нейтрализация неблагоприятных для хозяйственного общества последствий в результате передачи прав может повлечь отказ в удовлетворении иска на основании ст.ст. 57.1 и 58.1 Закона о хозяйственных обществах, независимо от предпочтительности буквально-смыслового или системного толкования и независимо от того, имело ли место частичное исполнение обязательства по такой оспоримой сделке до передачи прав по ней. При этом следует отличать нейтрализацию неблагоприятных последствий (угрозы их возникновения) в результате передачи обществом прав по крупной сделке или сделке с заинтересованностью от мини-

мизации таких последствий в результате передачи прав, а также от возникновения разнонаправленных экономических последствий частичного исполнения первоначального договора и соглашения о передаче прав. В случаях минимизации и разнонаправленности последствий крупной сделки (сделки с заинтересованностью) в результате передачи прав по ней обоснованность иска об их оспаривании будет зависеть от предпочтительности буквально-смыслового толкования анализируемых правил над системным. Однако такой приоритет, на наш взгляд, не является очевидным.

Проведенный анализ правил ст.ст. 167, 168, 174, 175, 181 ГК и ст.ст. 57, 58, 57.1, 58.1 Закона о хозяйственных обществах позволяет сформулировать следующие выводы:

1) обоснованность исковых требований юридических лиц, собственников их имущества, участников или акционеров, заявленных после передачи прав по оспариваемой сделке с пороком правосубъектности организации, зависит от толкования указанных норм;

2) для удовлетворения иска об оспаривании сделки юридического лица с пороком его правосубъектности, в зависимости от предпочтительности системного или буквально-смыслового толкования ряда норм, может иметь существенное значение факт соответствия сделки основанию для ее оспаривания в результате передачи прав, а также факт начала ее исполнения до перемены лиц в обязательстве;

3) нейтрализация неблагоприятных последствий крупных сделок и сделок с заинтересованностью аффилированных лиц хозяйств в результате передачи прав по ним, предшествовавшей реализации права на их оспаривание, существенно повышает степень обоснованности отказа в удовлетворении таких требований вне зависимости от толкования соответствующих норм;

4) для повышения единообразия применения норм об оспаривании сделок организаций с пороком их правосубъектности следует понизить зависимость обоснованности удовлетворения соответствующих требований юридических лиц и их участников от толкования ряда норм гражданского законодательства. Эта цель может быть достигнута посредством реализации следующих направлений совершенствования гражданского законодательства в данной сфере:

- детализации правил о возникновении и прекращении права на оспаривание сделок с учетом как

периода соответствия сделки основанию ее оспаривания, так и определения факта нарушения прав и (или) ущемления интересов юридического лица как состоявшегося или длящегося внеобязательственного деликта;

- закрепления легальной классификации способов защиты гражданских прав, включая право на оспаривание сделок, которая позволила бы констатировать принадлежность этого права к определенной классификационной группе и определить ее признаки, позволяющие упростить рассмотрение соответствующих требований после передачи прав по оспариваемым сделкам.

1. Белов, В.А. Сингулярное правопреемство в обязательстве / В.А.Белов. – М.: Учеб.-консультат. центр «ЮрИнфоР», 2000. – 286 с.

2. Мейер, Д.И. Русское гражданское право / Д.И.Мейер. – 3-е изд., испр. – М.: КонсультантПлюс: Статут, 2003. – 829 с.

3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2009 г. №10220/09 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=138222#aA4FCoSiY SXu0rjM>. – Дата доступа: 14.11.2021.

4. Брагинский, М.И. Договорное право. Книга первая: Общие положения / М.И.Брагинский, В.В.Витрянский. – 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2009. – 847 с.

Материал поступил в редакцию 14.10.2021

D.I.MIKHAILOV

Challenging transactions of business entities and other organizations at substitution of persons in the obligation

The article analyzes the problems of exercising the right of a legal entity and its participants or shareholders to challenge transactions that do not correspond to the statutory purpose of the activity and transactions carried out with excess of authority, including large ones, and related-party transactions conditioned by the relevant claims after the transfer of rights under deal. The dependence of the exercise of the right to challenge these transactions from the loss of compliance with the grounds for their invalidity after the transfer of rights, as well as from the partial execution of such transactions before the transfer of rights is being substantiated.

Keywords: legal entity, economic society, transactions with legal personality defects, transactions not corresponding to the statutory purpose, transactions with exceeding of authority, transfer of rights, singular successor, the right to challenge, party to the obligation, party to a transaction.

Рецензент: СИНЦА И.М., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Гомельского государственного университета им. Ф.Скорины

Журнал «Юстиция Беларуси» размещается в РИНЦ

Ищите нас на **eLIBRARY.RU**

РИНЦ – библиографическая база данных научных публикаций российских ученых и Индекс цитирования научных статей.